

1

« [Народные русские сказки](#) » А. Н. Афанасьева стали в полном смысле этого слова народной книгой. Впервые благодаря Афанасьеву читатель увидел русскую сказку во всем ее богатстве и разнообразии, в ее истинной красоте, неприкрашенной и неподдельной. В отличие от большинства своих предшественников, занимавшихся собиранием и публикацией произведений народного творчества, Афанасьев стремился к сохранению всех особенностей первоначальных записей сказок, не позволяя себе никаких литературных переработок этих записей, ограничиваясь ролью редактора и издателя.

2

До появления сборника Афанасьева подлинная народная русская сказка была почти неизвестна. Выпускались лишь лубочные издания и всякого рода стилизованные обработки и переделки народных сказок в авантюрные волшебнo-рыцарские романы. В то время как уже имелось большое количество сборников народных песен, «мужицкая» сказка все еще находилась в пренебрежении. За ней не признавалось прав литературного гражданства. Понадобился поэтический гений Пушкина, чтобы впервые понять подлинную народность русской сказки. Понадобилась пронизательность Белинского, чтобы впервые теоретически определить основы философии и эстетики народной поэзии, и в том числе сказки. Но и Пушкин в большинстве своих сказок и частично Белинский в своих статьях опирались не на опубликованные тексты, а на сказки, услышанные непосредственно из уст рассказчиков. Только к середине XIX века определился более широкий общественный и научный интерес к народной сказке. Этот интерес вызван прежде всего вниманием наиболее образованных и передовых людей того времени к судьбе закрепощенного крестьянства, к его быту и мировоззрению. Сказка начинает привлекать также и рядового читателя, который уже не удовлетворяется лубочными изданиями и разными переделками народных сказок. Первым большим изданием подлинно народных сказок было издание А. Н. Афанасьева (8 выпусков, 1855—1863).

3

В 60-е годы, вслед за появлением сказок Афанасьева, было собрано и издано огромное количество сборников различных жанров народного творчества. Выходят «Великорусские сказки» И. А. Худякова (1860—1862), «Народные сказки, собранные сельскими учителями» А. А. Эрленвейна (1863), «Русские народные сказки, прибаутки и побасенки» Е. А. Чудинского (1864), «Пословицы русского народа» В. И. Даля (1861), «Русские песни, собранные П. Якушкиным» (1860), «Песни, собранные П. В. Киреевским» (10 выпусков, 1860—1874), «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (4 тома, 1861—1867), «Народные русские песни из собрания П. Якушкина» (1865), «Причитания Северного края Е. Ф. Барсова» (3 тома, 1872—1886) и целый ряд других изданий. Таким образом, Афанасьев в своей деятельности был не одинок.

4

Общественно-политические взгляды собирателей были весьма различны. Такие собиратели, как П. В. Киреевский или Е. Ф. Барсов, примыкали к славянофилам, другие, как П. И. Якушкин или П. Н. Рыбников, были демократами, и собирание песен и былин являлось для них средством сближения с народом. И. А. Худяков, издавший впервые большой сборник сказок, записанных непосредственно из уст народа, был причастен к каракозовскому делу. Повышенный интерес к народной поэзии стоял в непосредственной связи с общественной борьбой и общественным движением 60-х годов. Несмотря на различие убеждений собирателей, объективно издание памятников народной поэзии служило интересам прогрессивного общественного развития и служит этим интересам по сегодняшний день.

5

В истории русской науки Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871) известен как историк, историк литературы, и теоретик фольклора. Широко популярным он стал как издатель памятников народного творчества, и в первую очередь сказок.

6

Афанасьев родился в городе Богучаре Воронежской губернии, в семье уездного стряпчего. Детство его протекало в городе Боброве, куда перевелся его отец. Несмотря на трудное материальное положение, отец стремился дать своим детям образование. Первыми учителями Афанасьева были два священника, люди, как говорит о них Афанасьев в своих воспоминаниях, «без сведений, грубые по натуре»¹. Среднее образование он получил в воронежской гимназии. Дикие нравы, господствовавшие в этой гимназии, ярко описаны Афанасьевым в его воспоминаниях. Только благодаря упорным занятиям Афанасьеву удалось сдать вступительный экзамен в Московский университет. Он избрал юридический факультет, хотя его больше тянуло к истории, этнографии и литературе. В среде профессоров университета происходила сложная борьба между сторонниками различных общественных течений 40-х годов. К реакционной части профессуры принадлежали историки литературы С. П. Шевырев и И. И. Давыдов, славист О. М. Бодянский, правовед Ф. Л. Морошкин и другие. С другой стороны, Афанасьев слушал лекции и учился у таких замечательных ученых, как П. Г. Редкий, Н. И. Крылов, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Н. В. Калачов, Ф. И. Буслаев. В университете определились демократические убеждения Афанасьева, которым он оставался верным всю жизнь.

7

В 1848 году, в связи с революционными событиями в Западной Европе, университет подвергся ревизии со стороны министра народного просвещения графа С. С. Уварова. Он присутствовал на лекциях, чтобы определить общественные настроения

профессуры. Пробные лекции читали также студенты, в том числе и Афанасьев. Лекция Афанасьева не понравилась министру, притом же Афанасьев позволил себе не согласиться с его замечаниями и вступил в пререкания с ним. Это решило судьбу Афанасьева: по окончании университета (1848) он не смог найти преподавательской работы в государственных учебных заведениях и вынужден был преподавать в частном пансионе.

8

Афанасьеву помогли друзья. При содействии Н. В. Калачова он в 1849 году был принят на службу в московский Главный архив иностранных дел. Служба в архиве давала ему возможность работать с историческими документами. Постепенно повышаясь в должностях, он проработал здесь тринадцать лет, до 1862 года. Это были самые счастливые и творчески напряженные годы в жизни Афанасьева. В этот период была создана большая часть его работ.

9

Статьи Афанасьева публиковались преимущественно в «Современнике» Некрасова и Панаева, в «Отечественных записках» Краевского, а также в таких специальных периодических изданиях, как «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», издаваемый Н. В. Калачовым (1850—1854), «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности», «Временник общества истории и древностей российских», «Чтения» того же общества, и в некоторых других журналах.²

10

Как историк, Афанасьев следовал за своими учителями по Московскому университету — С. М. Соловьевым и К. Д. Кавелиным, принадлежавшим к так называемой историко-юридической школе.

11

Начиная со второй половины 50-х годов, Афанасьев работал в области истории русской литературы. Специалистам известны его статьи о русских сатирических журналах XVIII века, работы о Новикове, Фонвизине, о сатире Кантемира и другие. В меньшей степени он занимался русской литературой XIX века («Из переписки Карамзина», «О стихотворениях Батюшкова», «Заметки к изданию сочинений Пушкина», «Заметки о Лермонтове», «Заметки о Полежаеве» и др.). Как уроженец Воронежской губернии, Афанасьев интересовался Кольцовым («Кольцов и воронежские педагоги»). Он известен также как библиограф. В 1859—1860 годах им издавался журнал «Библиографические записки».

12

Но главной областью занятий Афанасьева была народная поэзия, в основном — сказка и легенда. Наследие, оставленное им в области фольклористики, очень велико, но далеко не равноценно. В то время как теоретические работы Афанасьева в настоящее время утратили свое научное значение, изданные им сборники народного творчества прославили его имя во всем культурном мире и составляют национальное достояние по сегодняшний день.

13

Как исследователь народной поэзии, Афанасьев принадлежал к так называемой мифологической школе, господствовавшей в Европе с начала XIX века вплоть до первых десятилетий XX века. Возникновение и развитие этого направления тесно связано с развитием лингвистики того времени. Сравнительное изучение языков народов Европы и Индии привело к наблюдению родства и сходства языков так называемой индоевропейской семьи. Такое сходство объясняли тем, что народы, говорящие на языках этой семьи, когда-то составляли один народ, родину которого искали главным образом в Средней Азии. По мере переселения в Европу и оседания там этот когда-то единый народ распался; образовались языки индоевропейской семьи, которые, однако, сохранили следы своего прежнего единства: этим объясняется сходство и родство языков славянских, германских, романских, греческого, персидского, санскрита и других. Эта теория была перенесена на изучение фольклора. По мере накопления материала обнаружилось сходство сказок народов индоевропейской семьи. Сходство это объясняли как наследство индоевропейской древности.

14

Однако представители мифологической школы не довольствовались объяснением только сходства сказок. Предполагалось, что во времена индоевропейского единства сказок не было, а были мифы о божествах. Древнейшей религией считалась религия поклонения солнцу и другим стихиям. По мере того как религия эта отмирала, мифы превращались в сказки. Задачу науки видели в том, чтобы восстановить из сказки религиозные представления древности. Бой героя со змеем толковался как борьба тучи (змея) с солнцем (героем), которое своим мечом (молнией), уничтожает и рассекает тучу. Пробуждение спящей красавицы толковалось как пробуждение природы весной. Герой (солнечный луч) целует уснувшую царевну, олицетворяющую природу, погруженную в зимний сон, и тем пробуждает ее к жизни. Такими толкованиями наполнены труды представителей этой школы. Герои сказок неизменно оказываются божествами солнца, неба, света, грома, воды, а их враги — божествами тьмы, зимы, холода, туч, пещер, гор и т. д.

15

Для своего времени эта методология имела несомненно прогрессивно-научное значение. Она признавала за памятниками народной поэзии огромную ценность, требовала

любовного, бережного отношения и внимания к ним. Сравнительное изучение творчества народов расширяло горизонты и противостояло шовинистическим стремлениям к национально обособленному изучению фольклора, какое у нас имело место в трудах славянофилов и представителей официальной народности. Но по существу выдвигаемых положений учение это было ошибочным. Общими сюжетами обладают не только народы индоевропейской семьи — сходные сказки имеют народы финноугорские (финны, карелы, коми, венгры и другие), семитские народы (например, арабские сказки «1001 ночь»), монгольские народы, китайцы и даже народы, населяющие Африку, Австралию, Полинезию и другие отдаленные области. Общность сюжетов сказок объясняется не общностью происхождения и крови, а имеет более сложные причины исторического характера.

16

Хотя нельзя отрицать, что сказка на ранних ступенях ее развития была связана с религиозными представлениями, но развитие первобытных форм мышления, первобытного мировоззрения связано не с пассивным поклонением солнцу, а с трудом человека и его активной борьбой с природой.

17

Один из недостатков этого направления состоял также в том, что односторонний интерес к глубокому прошлому народа заслонял интерес к нуждам народа в настоящем. На это обратили особое внимание, как увидим ниже, Добролюбов и Чернышевский.

18

Одним из основоположников индоевропейского учения в лингвистике был Яков Гримм. Его же обычно считают родоначальником мифологической школы в фольклористике, ссылаясь на его капитальный труд «Германская мифология», вышедший в 1835 году. Однако это не совсем верно. Яков Гримм с большой научной осторожностью всесторонне восстанавливал верования древних германцев по данным исторических документов, хроник, по памятникам древнегерманской литературы, обычаям, правовым древностям, языку и фольклору. Родоначальником направления он может быть назван лишь в том смысле, что после появления его труда во всех странах Европы чрезвычайно усилился интерес к изучению древней мифологии современных народов. Многочисленные последователи и эпигоны Гримма восприняли и развили не наиболее сильные, а как раз более слабые стороны его методологии.

Такие труды братьев Гримм по немецкому языку, как «Грамматика» (1819—1837), «История немецкого языка» Якова Гримма (1848), а также ряд работ обоих братьев по древней немецкой литературе и по народной поэзии («Сказки», 1813—1822), имели

первостепенное научное и общественное значение. В трудах же их последователей как в самой Германии, так и за ее рубежами занятия древностями и мифологией были оторваны от запросов действительности, носили безжизненный характер. Возводить фольклор, и главным образом сказку, к первобытному мифу стало основным методом многочисленных фольклористов. Этим в числе других ученых (Ф. И. Буслаев, Орест Миллер, А. А. Котляревский и др.) особенно увлекался А. Н. Афанасьев, о чем свидетельствуют его статьи «Дедушка домовая», «Ведун и ведьма», «Религиозно-языческое значение избы славянина», «Колдовство на Руси в старину», «Зооморфические божества у славян: птица, конь, бык, корова, змея, волк», «Мифическая связь понятий света, зрения, огня, металла, оружия и желчи», «Заметки о загробной жизни по славянским преданиям», «О значении рода и рожениц» и другие. В последней статье Афанасьев сближает понятие души с понятиями огня, света, а далее — рода, судьбы, доли, с наибольшей последовательностью мифологическое направление проведено в обширных комментариях к издававшимся им сказкам. Из статей, комментариев к сказкам и других работ возник трехтомный капитальный теоретический труд Афанасьева, озаглавленный «Поэтические воззрения славян на природу» (1866–1869). Здесь Афанасьев следует не столько Гримму, сколько одному из его последователей — Вильгельму Шварцу, автору книги «Поэтические воззрения на природу греков, римлян и германцев в их отношении к мифологии первобытных времен».

19

Эта методология еще до появления «Поэтических воззрений» Афанасьева подверглась критике со стороны Чернышевского. На вторую книгу журнала «Архив историко-юридических сведений, относящийся до России», издаваемого Н. Калачовым, вышедшую в двух выпусках в 1854—1855 годах, где помещал свои статьи Афанасьев, Чернышевский отозвался рецензиями, в которых он, с одной стороны, отдает должное заслугам Якова Гримма и тех, кто исследует славянские древности, с другой же стороны, предостерегает от одностороннего увлечения стариной, не связанной с современностью. Древнейшая и древняя история важны прежде всего в той мере, в какой они помогают понять дальнейшее историческое развитие народов и государств. В этом отношении он считает образцом Нибура, чья «Римская история» способствует пониманию истории не только Италии и Франции, но и Германии и Англии. Труды же Гримма по «исторической филологии» (так Чернышевский называет науку о фольклоре) посвящены таким сторонам жизни, которые были мало связаны с современностью. В рецензии на второй выпуск «Архива» Н. В. Калачова Чернышевский писал: «Для филологических исследователей, во главе которых стоит Гримм, старина важна потому, что она старина. А наука должна быть служительницей человека. Чем более может она иметь влияние на жизнь, тем она важнее. Неприложимая к жизни наука достойна занимать собою только схоластиков». Эта точка зрения не мешала Чернышевскому признать за Афанасьевым известные заслуги частного характера. Касаясь его статьи «Мифическая связь понятий света, зрения, огня, металла, оружия и желчи», он пишет: «С какою недоверчивостью, например, очень многие смотрят на исследования г. Афанасьева; а между тем, среди многих утрированных истолкований в мифологическом смысле и таких поверий, которые не заключают в себе ничего мифологического, у него часто встречаются объяснения, с которыми нельзя не согласиться. Таких сближений

много и в статье г. Афанасьева, о которой мы говорим здесь, — «Мифическая связь понятий света, зрения» и пр. Но желание открывать во всем следы древней мифологии вредит успеху его исследований». 3

20

Впоследствии в «Полемических красотах» Чернышевский по поводу выхода в свет книги Ф. А. Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (т. I—II, СПб., 1861) отозвался о представленном Буслаевым и Афанасьевым мифологическом направлении более сурово и резко.

21

Если бы Афанасьев оставил нам только теоретические труды, его имя заняло бы свое место в истории фольклористики, но не было бы так популярно, как сейчас. Лучшее, что оставил Афанасьев, это его «Народные русские сказки». Он глубоко любил сказку и хорошо понимал ее поэтическую красоту. Об этом свидетельствуют, помимо всего прочего, его предисловия к первому и второму изданию сказок (см. т. III настоящего издания). Эта теплота отношения к народной поэзии, а не абстрактно-теоретические построения, и была тем внутренним стимулом, который руководил Афанасьевым при создании сборника сказок.

22

Мысль о создании сборника возникла у Афанасьева еще в 1851 году. 14 августа 1851 года Афанасьев писал редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому: «Есть у меня одно предложение для Вашего журнала. Не согласитесь ли Вы уделить в Ваших «Записках» место в Смеси или другом отделе для русских народных сказок; я думаю приготовить их к печати под именем «лубошных». Издание будет ученое, по образцу издания бр. Гриммов. Текст сказки будет сопровождаться нужными филологическими и мифологическими примечаниями, что еще больше даст цены этому материалу; кроме того, тождественные сказки будут сличены с немецкими сказками по изданию Гриммов, и аналогичные места разных сказок указаны. Войдет сюда также сличение сказок с народными песнями. Изданию я предпослал бы небольшое предисловие о значении сказок и метода их ученого издания. Одна сказка через три или через два номера — смотря по возможности, — не займет в журнале много места. Притом предмет этот не чужд интереса».

23

Краевский согласился с предложением Афанасьева, но Афанасьев этим согласием не воспользовался, так как замысел издания сказок уже перерос скромные возможности журнала. В 1852 году Афанасьев побывал в Петербурге. К тому времени он уже был известен как ученый знаток сказки; он был избран в члены Русского географического

общества по отделению этнографии. Географическое общество было основано в 1846 году и через пять-шесть лет уже располагало значительным архивом. 23 февраля 1852 года совет общества постановил передать сказочные материалы своего архива в распоряжение Афанасьева для их издания. Так была заложена основа этого замечательного собрания. В 1855 году вышел первый выпуск «Народных русских сказок».

24

Количество сказок, записанных самим Афанасьевым, не превышает десяти — двенадцати номеров. Все эти записи сделаны им на родине, в Воронежской губернии. Афанасьев пользовался не только архивом Русского географического общества, но и записями, производившимися вне рамок этого общества. Преобладающее большинство рукописей, изданных Афанасьевым, записано неизвестными нам лицами. Но в числе лиц, записи которых издал Афанасьев, есть и замечательные для нас имена. Среди них должно быть названо имя П. И. Якушкина, который в основном собирал песни, но при случае записывал и сказки. Эти записи он передал знаменитому собирателю песен П. В. Киреевскому, а тот в свою очередь передал их Афанасьеву. Некоторое количество сказок Афанасьев получил от своих воронежских друзей, и в том числе от известного воронежского краеведа Н. И. Второва и его товарища Александрова-Дольника. Второв был главой воронежского кружка местной интеллигенции. Ему принадлежит целый ряд трудов по экономике, статистике и этнографии Воронежского края. Наибольшее количество текстов восходит к собранию В. И. Даля. Даль первоначально выпускал сказки в своей обработке, но, всецело сосредоточившись на издании пословиц и словаря, он передал свое собрание сказок Афанасьеву. Это собрание поступило в распоряжение Афанасьева после выхода в свет третьего выпуска его сказок. Из богатого собрания Даля Афанасьев выбрал около ста пятидесяти сказок (кроме вариантов), составивших содержание четвертого, шестого и седьмого выпусков. Афанасьев считал записи Даля не всегда вполне удовлетворительными, о чем он сам писал в предисловии к четвертому выпуску сказок (см. т. III), но все же достаточно интересными и важными.

25

Кроме того, Афанасьев перепечатал некоторое количество лубочных изданий, а также тексты, разбросанные по периодическим изданиям; несколько текстов взято из немногочисленных сборников конца XVIII — начала XIX века (вроде сборника «Лекарство от задумчивости и бессонницы» и других, более поздних изданий), если эти издания содержали подлинно народные тексты. Всего собрание Афанасьева содержит около шестисот текстов. Это самый большой сборник народных сказок, известный мировой науке.

26

Из изложенного видно, что Афанасьев не принадлежит к числу собирателей народной поэзии непосредственно из уст народа. Он первый в нашей науке издатель сказочных материалов. Сборник изданных им сказок по своему составу и по характеру текстов очень разнообразен. Афанасьев зависел от своих источников, от качества рукописей, которые он издавал. Этим объясняется известный разноречивый характер. В одних случаях место записи указано (см. топографический указатель в конце III тома настоящего издания), в других таких указаний нет. Есть отдельные записи, в которых сделана попытка сохранить и передать местное произношение, но эти попытки носят случайный, несистематический характер. В одних случаях повествование записано очень точно, в других оно сбивается на обобщающий литературный пересказ и т. д. Однако, несмотря на все эти трудности, Афанасьеву удалось создать замечательный сборник русских сказок.

27

В вышеприведенном письме к Краевскому Афанасьев ссылается на сборник братьев Гримм как на образец, которому он собирается следовать. На самом же деле Афанасьев как издатель сказок далеко превзошел своих германских предшественников. В сборнике братьев Гримм каждый сюжет представлен по одному разу, вариантов нет. Афанасьев понимал значение вариантов и публиковал их в той мере, в какой он ими располагал. В сборнике братьев Гримм (выдержавшем семь прижизненных изданий) последовательность сказок случайна. Афанасьев для второго подготовленного им издания привел свой материал в систему, создав классификацию, которая до сих пор принята всей европейской наукой. Братья Гримм довольно свободно обращались со своими текстами, подшлифовывая язык и стиль изложения. Афанасьев стоял на точке зрения неприкосновенности текста и лишь в отдельных случаях вносил некоторые редакционные поправки в текст издаваемых им рукописей.

28

Появление сборника Афанасьева было заметным событием в научной и общественной жизни 50-х годов. Рецензиями откликнулись наиболее видные филологи того времени: Пыпин, Буслаев, Котляревский, Срезневский, Орест Миллер и другие. Они отмечали большое значение этого сборника, и каждый со своей точки зрения выражал пожелания и критические замечания.⁴ Не всегда они были правы, и во многих случаях Афанасьев лучше понимал дело, чем его критики. Однако крупного научного значения этого сборника не отрицал никто.

29

Из числа различных откликов на издание Афанасьева один привлекает наше особое внимание. Это — рецензия без подписи, помещенная в девятом номере «Современника»

за 1858 год; рецензия принадлежала Н. А. Добролюбову. Она была написана после выхода III и IV выпусков сказок Афанасьева, когда издание в целом еще не было закончено.

30

В отличие от остальных рецензентов, которые определяли положительные и отрицательные стороны сборника как такового, Добролюбов поднимает в своей рецензии вопрос о значении науки вообще. В свете этих проблем рассматривается и значение сборника Афанасьева. Выход сборника вызывает у Добролюбова искреннюю радость, потому что в сказках, изданных Афанасьевым слышен голос самого народа. «Кто любит свой народ и не ограничивает его тесным кругом людей, получивших европейское образование, тот поймет радость, с какою приветствуем мы в литературе всякое порядочное явление, имеющее прямое отношение к народной жизни». Отрадно остановиться на труде, «посвященном раскрытию внутренней, душевной жизни народа и исполненном добросовестно и с любовью...»⁵ В этих словах содержится признание большого научного значения сборника Афанасьева. Добролюбов с сарказмом противопоставляет свою точку зрения взглядам эстетов и гурманов, служителей «чистой», отвлеченной науки и «чистого искусства», которым нет дела «до этих грубых, необразованных, неизящных произведений, которыми потешается младенческая фантазия народа». Науке в интересах услаждения ума избранного круга людей он противопоставляет науку в интересах народа. Интересам этой науки служат сказки, изданные Афанасьевым.

31

Но вместе с тем сборник этот не лишен и существенных недостатков. Основной из них — «совершенное отсутствие жизненного начала». В издании Афанасьева ни слова не говорится о самом народе. «Нам сказки важны всего более как материалы для характеристики народа. А народа-то и не узнаешь из сказок, изданных г. Афанасьевым». «Нам кажется, пишет далее Добролюбов, что всякий из людей, записывающих и собирающих произведения народной поэзии, сделал бы вещь очень полезную, если бы не стал ограничиваться простым записыванием текста сказки или песни, а передал бы и всю обстановку, как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой удалось ему услышать эту песню или сказку».

32

В этих словах намечен совершенно новый принцип собирания и издания памятников народной поэзии. Своими высказываниями Добролюбов опережает современную ему русскую и европейскую науку. Слова Добролюбова следует понимать не в том смысле, будто он требует от собирателей описаний только внешнего быта народа: он требовал внимания к материальному положению крестьянства. В его рецензии рассеяны упоминания о курных избах, гнилом хлебе пополам с мякиной, пустых щях, лохмотьях,

крайней нищете и постоянном голоде. Добролюбов говорит о явлениях не этнографического, а социального порядка. Так расшифровываются слова о «внешней обстановке», в которой можно услышать песню или сказку. Слова же о «внутренней обстановке» означают, что Добролюбов хочет знать от собирателя, «в каком отношении находится народ к рассказываемым им сказкам и преданиям». Что это — пустое препровождение времени, «так себе, говорится для красоты слова», или нечто другое, более важное и существенное?

33

На эти вопросы сборник Афанасьева не давал и не мог дать ответов. Требование Добролюбова обращено не столько к Афанасьеву, сколько к будущим собирателям.

34

Издательская деятельность Афанасьева не ограничилась обнародованием сказок. Подвергая свой материал научной классификации, Афанасьев не отнес к области сказок легенды, действующими лицами которых являются персонажи Ветхого завета, как Ной или Соломон, и Нового завета — Христос и его апостолы или святые, как Георгий, Касьян, Никола и другие. В 1859 году вышли в свет «Народные русские легенды». Сборник состоял всего из тридцати трех легенд, почерпнутых главным образом из собрания Даля; прилагались комментарии, варианты и библиографические ссылки на варианты у других народов. Издание это имело шумный успех, так как оказалось, что эти легенды выражают не благочестивые чувства народа, преданного учению церкви, как можно было бы думать по характеру действующих лиц, а явно отрицательное и иногда насмешливое отношение к церковной морали. Светская цензура пропустила книгу, не запросив цензуру духовную, духовная же цензура усмотрела в этих легендах кощунство. Обер-прокурор «святейшего синода» граф А. П. Толстой обратился к министру народного просвещения Е. Н. Ковалевскому с письмом, в котором говорилось следующее: «По поводу изданной (т. е. пропущенной), в Москве цензором Наумовым книги господина Афанасьева под заглавием «Русские народные легенды» высокопреосвященный митрополит Филарет обратился ко мне с письмом, в котором изъяснил, что в книге сей часто говорится о Христе и святых, и потому светская цензура должна была бы посоветоваться с духовною, но сего не сделала; что к имени Христа-спасителя и святых в сей книге прибавлены сказки, оскорбляющие благочестивые чувства, нравственность и приличие, и что необходимо изыскать средства к охранению религии и нравственности от печатного кощунства и поругания...»

35

«Легенды» были запрещены цензурой, и этот запрет продержался вплоть до 1914 года, когда вышло разрешение на их переиздание. (В 1914 году «Легенды» вышли сразу двумя изданиями: в Москве под редакцией С. К. Шамбинаго и в Казани под редакцией И. П.

Кочергина.) В 1860 году «Легенды» были изданы в Лондоне.

36

Располагая огромным количеством сказочных материалов, Афанасьев имел в своем распоряжении и такие материалы, которые по цензурным соображениям никак не могли быть напечатаны. Это сказки нескромного содержания, направленные главным образом против духовенства (о таких сказках Белинский говорит в своем знаменитом письме к Гоголю, доказывая ими атеизм народа), и сказки об одуроченных барах, помещиках и т. д. Несмотря на то, что эти сказки никак не подтверждали мифологической теории Афанасьева, он признавал за ними большой интерес. Они были выпущены в Женеве под заглавием «Заветные сказки» анонимно и без указания года и выдержали два издания.

37

Выше указывалось, что годы пребывания на службе в московском Главном архиве иностранных дел были наиболее плодотворными в жизни Афанасьева. В 1862 году Афанасьев неожиданно лишился службы в архиве. По ничтожному поводу (посещение Афанасьева эмигрантом В. И. Кельсиевым, тайно приехавшим из-за границы) у Афанасьева был устроен обыск, и хотя не было найдено ничего, за что можно было бы предъявить обвинение, он был уволен, и ему было запрещено когда-либо впредь состоять на государственной службе. Подлинная же причина увольнения состояла в том, что постоянные занятия Афанасьева творчеством народа и его языческими верованиями, а также издание такой книги, как «Легенды», было с точки зрения церковной и правительственной делом предосудительным и опасным, а фигура Афанасьева — подозрительной и одиозной. Афанасьев был выбит из привычной колеи, стал терпеть материальные лишения. Он был вынужден распродать свою библиотеку. Найти постоянную работу не удавалось. Здоровье было надорвано, и в 1871 году Афанасьев скончался от скоротечной чахотки.⁶

38

Смерть его почти не была отмечена в прессе. Второе подготовленное им издание сказок вышло уже после его смерти. С тех пор это собрание — одна из любимейших и наиболее читаемых русских книг, а имя Афанасьева произносится с любовью и уважением по сегодняшний день.

39

Собрание Афанасьева в основном состоит из сказок, записанных незадолго до крестьянской реформы. В те времена, когда закрепощенное крестьянство в своем большинстве было отторгнуто от грамоты и цивилизации, а церковь учила покорности существующему порядку, в сказках народ давал волю своей фантазии, создавал образы необычайной красоты, жизненности и правдивости.

40

Сборник открывается сказками о животных. Сказки эти создавались в ту эпоху развития человечества, когда основным источником существования людей служила охота; по своему происхождению они связаны с тотемизмом — мировоззрением первобытных охотников, почитавших священными некоторых животных и веривших в их сверхъестественную связь со своим родом. Когда мужчины находились на охоте, женщины восхваляли этих животных, рассказывая о их ловкости и хитрости в борьбе с другими, более сильными животными. Восхваления эти должны были, по их представлениям, способствовать удаче охотников. Но эта древнейшая магическая функция сказки давно забыта. В позднейших сказках о животных героем обычно является хитрая лиса, рассказы о проделках которой восхищают слушателя остроумием и неистощимым оптимизмом. Слабая лисичка обманывает сильного, но глупого волка и выходит победительницей из всех бед. Поведение животных в сказках напоминает чем-то поступки людей. Трусливый зайчик, неуклюжий медведь, храбрый петух и целый ряд других животных создают богатую галерею разнообразных типов и характеров. Сказка о животных тяготеет к басне, и уже в античные времена такие баснописцы, как Эзоп и Федр, широко использовали сказочные образы для создания своих басен. В средние века в Западной Европе сказки эти проникают в литературу. Создаются разнообразные романы о лисе, в которых аллегорически изобличаются монастырские нравы и судейские порядки. Один из таких романов был обработан Гете («Рейнеке-лис», 1793). В русскую литературу сказка о животных проникла в XVII веке. На фольклорной основе создаются сатирические сказки, такие, как «Лиса-исповедница», «Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» и др. Сказки о животных и в настоящее время служат прекрасным средством эстетического и морального воспитания детей.

41

Основное место в сборнике Афанасьева принадлежит волшебнo-фантастическим сказкам. Это объясняется тем, что фольклористика середины XIX века особое значение придавала волшебным сказкам, считая их наиболее древними и потому особенно ценными. Действительно, волшебные сказки сохранили остатки некоторых древнейших языческих представлений, как, например, веры в хозяев лесов, морей, гор, стихий (баба-яга, морской царь, змей Горыныч, Морозко), культа предков (умерший отец дарит коня), веры в оборотничество и т. д. Но ценность и жизненность волшебной сказки определяется не этим. Вера эта в народе давно утрачена. Сказка никогда не выдается за действительность: сказка — складка, она хороша именно как вымысел. Однако, несмотря на свою фантастичность, сказка выражает высокие жизненные идеалы народа. В волшебных сказках народ создал образы героев — заступников за обездоленных, борцов за правду и справедливость, сильных сознанием своей правоты, прекрасных в своей, не знающей пределов, смелости.

42

Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель.

43

Этими словами царевны-лебеди в сказке о царе Салтане Пушкин определил характер сказочного героя. Но не всегда герой волшебной сказки царевич. Чаще всего им бывает крестьянский сын, в котором на первый взгляд как будто нет ничего замечательного. Он лежит на печи, и братья считают его дураком. Но это лишь внешняя оболочка, которая спадает, как только жизнь требует решительных действий. Когда умирает отец или случается какая-нибудь беда, когда зовут на помощь или выручку или требуется совершить необыкновенно трудный подвиг, — тогда мнимый дурак вдруг оказывается обладателем необычайно высоких моральных качеств, больших душевных сил. Судьба посылает ему различные, иногда обычные, иногда весьма необыкновенные, встречи: он встречает старушку или старика, которые его выспрашивают, куда он идет, животных, которые терпят бедствия, безобразную ягу в лесной избушке и т. д. От того, как герой будет держать себя в этот момент, зависит вся его дальнейшая судьба. Герой и его братья ведут себя по-разному. Все эти встречи не что иное, как испытания. Мнимые герои, старшие братья, никаких испытаний не выдерживают, терпят неудачи и ничего не достигают, герой же всегда выходит победителем и становится обладателем волшебного талисмана или всемогущего помощника в образе волшебного коня или другого животного. Отныне его сопровождает удача, все трудности разрешаются благополучно. Но эта удача не случайна: герой ее заслужил своими действиями. Он делается властителем своей судьбы и опорой для тех, кого он выручает. Мнимые же умники, его братья, думают только о себе, проявляют свое ничтожество и терпят провал во всех своих начинаниях. Волшебная сказка всегда кончается торжеством правды и наказанием лжи, обмана и низости.

44

В основе сказочного повествования лежит веками сложившееся народное представление о том, что в жизни составляет правду и что кривду. Подробное изучение мировоззрения народа, художественно выраженного в сказке, — одна из ближайших задач нашей науки. Любой читатель или слушатель, отдаваясь во власть сказки, рисующей нам образы старика и старухи, Ивана-дурака, Ивана царевича, мачехи и падчерицы, бабы-яги, Кощея, змея, прекрасной царевны, злого царя, злой царицы и многих других, ощущает глубокую жизненную и художественную правду сказки.

45

В особый разряд Афанасьев выделил сказки бытовые или новеллистические. Их в сборнике Афанасьева меньше, чем волшебных. Позднейшие собрания показывают, что такое соотношение не соответствует тому, что на самом деле имеется в народном обиходе. Для XIX века можно считать установленным, что бытовые сказки составляют

60% всего сказочного репертуара, волшебные — 30%, сказки о животных — 10%. Реалистическая бытовая сказка — наиболее популярный в народе вид сказки. Стиль и поэтика ее существенно отличаются от стиля сказок волшебных. В них нет фантастики, восходящей к древним мифологическим представлениям. Они черпают свой материал из окружающей жизни. Герой таких сказок уже не царевич, а лихой отставной солдат, мужик, крестьянский парень или батрак. Хитростью, сметливостью и догадливостью он одурачивает своего алчного хозяина, попа или барина, глупую попадью или барыню-помещицу. Большинство бытовых сказок носит сатирический характер. С необычайной наблюдательностью и большим искусством повествования в них рисуются столкновения, которые кончаются посрамлением и наказанием, а иногда разорением или гибелью обидчика и поработителя.

46

В новеллистической сказке нашли широкое и всестороннее отражение быт и труд крестьянства. Особенно много сказок посвящено семейным отношениям. Хитрая баба, искусно подготовляющая обман мужа, сама попадает в просак и терпит посрамление. Еще худшее посрамление терпят дьяк, поп или архиерей, напрашивающиеся к красавице; она выводит их на чистую воду. Таким сказкам всегда свойственно яркое остроумие, благодаря чему они широко использованы в художественной литературе.

47

Мир сказки бесконечно разнообразен. Сказка в художественных образах выражает лучшие качества народа и тем самым воспитывает эти качества в тех, кто любит слушать или читать сказку. Она и по сегодняшний день покоряет художественностью своих образов, богатством вымысла и неисощимостью фантазии.